

ПРАВО

УДК 94(37)

В.К. Хрусталев

"HOMINES DURI ET MOLESTI": ОТНОШЕНИЕ К СУДЕБНЫМ ОБВИНИТЕЛЯМ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВРЕМЕН ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Эта статья рассматривает отношение римского общества Поздней Республики по отношению к общественным обвинителям. Автор утверждает, что оно менялось с течением времени. В эпоху Цицерона оно было двойственным. Традиция, когда молодой человек привлекал кого-либо к суду, чтобы создать себе репутацию судебного оратора, сохранялась, но профессиональные обвинители не пользовались уважением общества.

Ключевые слова: обвинитель, обвинение, адвокат, преварикация, изгнание, "лишение воды и огня", клеветник, квадруплатор, доносчик.

V.K. Khrustalev

"HOMINES DURI ET MOLESTI": THE ATTITUDE TOWARDS COURT PROSECUTORS IN THE ROMAN SOCIETY OF THE LATE REPUBLIC

This article considers the attitude of the Roman society of the Late Republic towards the public prosecutors. The author asserts that it was changing in the course of time. In the epoch of Cicero it was double-dealing. The tradition that a young man prosecuted somebody to make his name as a courtroom speaker remained, but the professional prosecutors did not enjoy public respect.

Key words: prosecutor; accusation, prosecution, advocate, collusion with the defendant, exile, *aquae et ignis interdictio, calumniator, quadruplator, delator.*

Одной из наиболее существенных характеристик римского уголовного суда времен Поздней Республики являлся институт частного обвинения (*accusatio*). Он ставил уголовное судопроизводство в прямую зависимость от инициативы отдельных граждан. Государственных обви-

нителеев не существовало; по сути, тем самым римское государство передавало контроль за судебным преследованием преступников в руки частных лиц. Если не находилось общественно-го обвинителя, то суда и не происходило.

Обвинитель в Римской Республике фактически выполнял функции современных прокурора и следователя. Он вел следствие по делу (*inquisitio*): собирал доказательства вины подсудимого, разыскивал и допрашивал свидетелей; он же поддерживал обвинение в суде. Обеспечение явки свидетелей на само заседание суда также было задачей обвинителя. Ясно, что мотивы, побудившие человека принять на себя такие обязанности, требовавшие затраты его сил, времени, порой даже денег - вспомним, как Цицерон лично ездил на Сицилию, собирая материалы для обвинения Верреса (Cic. Ver., I, 6) -, должны были быть достаточно вескими.

Вероятно, кто-то из обвинителей руководствовался альтруистическими побуждениями. Но, думается, что таких ревнителей общественного блага и староримских добродетелей было не слишком много, и подобные благородные мотивы чаще провозглашались в речах самими обвинителями¹, чем двигали ими на самом деле. Большинство же обвинителей, привлекая к суду какое-либо лицо, определенно руководствовалось своими личными интересами.

Источники свидетельствуют также о существовании наемных обвинителей, которые за определенное вознаграждение соглашались привлечь к суду какое-либо неудобное лицо. Видимо, таким обвинителем был противник Цицерона на процессе Секста Росция Гай Эруций; во всяком случае, Цицерон говорит, обращаясь к Эруцию, что у того нет личных мотивов обвинять Росция и что его соблазнило лишь богатство подсудимого². Вероятно, что Эруцию была обещана после осуждения Росция-сына какая-то часть имущества Росция-отца.

Несомненно, обычным явлением были попытки свести при помощи суда личные счеты: отплатить за нанесенную обиду или нанести удар по давнему врагу - или непосредственно, или через близкого ему человека. Иногда это принимало форму своеобразной вендетты, и подобных примеров было немало: можно вспомнить процесс Клуенция в 66 г.; одним из обвинителей на нем выступал молодой Оппианик, отец которого перед этим был осужден по обвинению Клуенция (Cic. Cluent., 10).

Наконец, обвинение и привлечение к суду какого-нибудь известного человека являлись обычным способом начала политической карьеры для честолюбивых молодых людей, которые пока ничем себя не зарекомендовали. Так, защищая Целия Руфа, Цицерон говорит, что тот "захотел по старинному обычаю и по примеру тех молодых людей, которые впоследствии стали в государстве выдающимися мужами и прославленными гражданами, чтобы римский народ узнал его рвение на основании какого-либо громкого обвинения" ("*voluit vetere instituto eorum adolescentium exemplo, qui post in civitate summi viri et clarissimi cives exstiterunt, industriam suam a populo Romano ex aliqua illustri accusatione cognosci*") (Cic. Cael., 73). В трактате "Об обязанностях" Цицерон пишет, что речи в суде вызывают наибольшее восхищение по сравнению со всеми остальными (Cic. De off., II, 49)³.

В условиях существования частной *accusatio* обвинитель рассматривался как личный "враг", "недруг" (*inimicus*) подсудимого (Cic. Rosc. Amer., 55). Личная заинтересованность обвинителя в деле не только не служила помехой, но даже рассматривалась как преимущество: считалось, что враждебность к подсудимому заставит обвинителя тщательнее вести расследование и снизит

---

¹ Так, например, Цицерон в первой речи против Верреса заявляет: "...я взялся за это дело по воле римского народа и в исполнение его ожиданий" ("*...huic ego causae ... cum summa voluntate et expectatione populi Romani, actor accessi*") (Cic. Ver., I, 1, 2)

² Cic. Rosc. Amer., 55: "*sciunt huiusce pecunia te adductum esse*"

³ Нужно отметить, что в римском обществе конца Республики личные мотивы очень часто переплетались с политическими. Рассмотрение уголовных процессов как одного из инструментов политической борьбы в Риме в этот период имеет глубокие корни в историографии [9. P. 149]. Пожалуй, наиболее полно эта концепция отражена в трудах американского историка Э. Грюна [5; 6]. Однако в последнее время некоторые авторы ставят под сомнение эту точку зрения; они не отрицают, что многие уголовные процессы имели политическую подоплеку, но не считают, что этот фактор имел первостепенное значение [8. P. 41-42].

вероятность *praevaricatio* (соглашения обвиняемого с обвинителем с тем, чтобы последний нерадиво исполнял свои обязанности) [2, p. 20]. Цицерон, например, порицает существовавшую в Греции практику официального назначения обвинителей и говорит, что обвинители "не могут ведь быть суровы, если они не добровольцы" ("*quidem graves esse non possunt, nisi sunt voluntarii*") (Cic. De leg., III, 47). Впрочем, были приняты меры и для того, чтобы обуздать *calumniatores* - лиц, выступавших со злонамеренными и умышленно сфальсифицированными обвинениями. Наказание для них устанавливал *lex Remmia* (Cic. Rosc. Amer., 55).

В такой ситуации нам кажется правомерным поставить вопрос, каким же все-таки было отношение римского общества к обвинителям - людям, которые по собственной воле вставали на защиту существующих законов и преследовали их нарушителей.

Обратимся к источникам. Грек Полибий во II в. до н. э. с неодобрением рассказывает о современных ему римских порядках: "...Молодежь проводила время на Форуме, занималась ведением дел в судах и заискивала перед народом. ...Юноши входили в славу тем только, что вредили кому-нибудь из сограждан: так бывает обыкновенно при ведении судебных дел..." (Polyb. XXXII, 15, 8-10 - пер. Ф. А. Мищенко). Он особенно подчеркивает, что его друг и покровитель, Сципион Эмилиан, не был замечен ни в чем подобном: "...Он достигал славы новыми средствами, не теми, какие для всех прочих римлян указаны были обычаями и господствующими нравами" (Ibid.). Г. Буассье метко замечает, что "жизнь политических деятелей проходила тогда в нападении и самозащите" и приводит в пример М. Порция Катона Старшего, который за свою долгую жизнь сорок четыре раза бывал обвиняемым и гораздо чаще - обвинителем [1, с. 138].

Не изменилась ситуация и в последующее столетие. Другой греческий автор, Плутарх, в биографии М. Лициния Лукулла отмечает, что "выступить с обвинением даже без особого к тому предлога вообще считалось у римлян делом отнюдь не бесславным, напротив, им очень нравилось, когда молодые люди травили нарушителей закона, словно породистые щенки - диких зверей" (Plut. Lucul., 1 - пер. С.С. Аверинцева). Когда братья Лицинии Лукуллы, мстя за отца, который был осужден за казнокрадство (*de peculatu*), привлекли к суду его обвинителя, авгура Сервилия, по словам Плутарха, "римлянам такой поступок показался прекрасным, и суд этот был у всех на устах, в нем видели проявление высокой доблести" (Ibid.).

Но все углублявшийся кризис полиса и полисных ценностей, распространение эллинистической культуры и образованности серьезно способствовали трансформации римских нравов. Смягчение суровых установлений предков коснулось и судебной системы, в частности, системы наказаний. Она очевидно эволюционирует в сторону большей гуманности. Смертная казнь фактически отошла в прошлое. По обычаю, обвиняемый в совершении уголовного преступления, мог, не дожидаясь окончания процесса, отправиться в изгнание. В I в. до н. э. это наказание получило официальное оформление, будучи зафиксировано в ряде уголовных законов Л. Корнелия Суллы, хотя первоначально само слово "изгнание" (*exilium*) в постановлениях суда не записывалось. Наказание определялось как "лишение воды и огня" (*aquae et ignis interdictio*). Тем не менее, во второй половине I в. до н. э. осужденные за уголовные преступления постоянно отправлялись в изгнание, а смертная казнь, хотя и не была отменена, оставалась лишь виртуальной угрозой [См.: 3, p. 6, 27]. Правда, как справедливо отмечает Дж. Крук, мы не можем с уверенностью сказать, насколько смягчение наказаний коснулось низших слоев римского общества [4, p. 272].

Безусловно, это смягчение древних нравов коснулось и отношения к обвинителям. Способствовать осуждению кого-то, пусть даже и виновного, стало считаться делом жестоким. Эта точка зрения не раз находит свое выражение в речах и произведениях Цицерона. В трактате "Об обязанностях" он настойчиво советует не злоупотреблять этим средством и не выступать в судах с обвинениями слишком часто: "ведь только жестокому человеку, вернее, даже не человеку вообще, по моему мнению, свойственно стремление угрожать гражданским правам многих людей" ("*duri enim hominis, vel potius vix hominis videtur periculum capitis inferre multis*") (Cic. De off., II, 50). Кроме того, частые обвинения могут испортить репутацию оратора, да и попросту опасны для него самого. Обвинитель наживал себе много врагов среди родственников и друзей осужденного. Цицерон выделяет только три уважительных причины для выступления в суде с

обвинением против какого-либо лица: ради интересов государства, с целью покарать и с целью защиты (Ibid.). Но даже и в этих случаях нужно соблюдать меру. Известно, что сам Цицерон за всю свою многолетнюю судебную практику очень редко выступал в качестве обвинителя. В трактате "Об ораторе" он устами знаменитого оратора Красса всячески превозносит миссию защитника в суде: "Что столь царственно, столь благородно, столь великодушно, как оказывать помощь прибегающим, ободрять сокрушенных, подавать спасение, избавлять от опасностей, удерживать людей в числе граждан?" ("*Quid tam ... regium, tam liberale, tam munificum, quam opem ferre supplicibus, excitare adflictos, dare salutem, liberare periculis, retinere homines in civitate?*") (Cic. De or., I, 32). Напротив, "... что так бесчеловечно, как обращать на погибель и уничтожение людей красноречие, дарованное нам природой для защиты их благополучия?" ("*... quid est tam inhumanum, quam eloquentiam a natura ad salutem hominum et ad conservationem datam ad bonorum pestem perneciemque convertere?*") - утверждает он в другом месте (Cic. De off., II, 51 - перевод В.О. Горенштейна). Об ораторе Марке Бруте, получившем широкую известность в качестве обвинителя, Цицерон с осуждением говорит, что "лучшие природные качества его рода были загублены в нем его злонамеренностью" ("*ut facile cerneret naturale quoddam stirpis bonum degeneravisse vitio depravatae voluntatis*") (Cic. Brut., 130 - пер. Ф.А. Петровского).

Эта же точка зрения звучит и в судебных речах знаменитого оратора (см., напр., Cic. Rosc. Amer., 83). Так, выступая обвинителем Гая Верреса в 70 г., Цицерон уделяет много места объяснению мотивов этого поступка (Cic. Div. in Caes., 1-9). Когда ему, будучи адвокатом, приходится говорить о выступлениях с обвинениями своих подзащитных, он всегда подчеркивает, что они делали это не для личной выгоды, а по необходимости [Cic. Cluent., 11]. Защищая Целия Руфа, который до этого сам неоднократно бывал обвинителем, оратор оправдывает его действия юношеской горячностью и стремлением к славе; тем не менее, Цицерон неодобрительно замечает, что его подзащитный "более жесток, чем я бы желал того" ("*est violentior, quam vellem*") (Cic. Cael., 76).

По нашему мнению, эти постоянные заявления Цицерона нельзя объяснять только особенностями его характера. Несомненно, Цицерон совершенно искренен, когда говорит о своем негативном отношении к ремеслу обвинителя. Однако, будучи адвокатом, и адвокатом блестящим, он говорил то, что желали слышать судьи и просто толпа любопытных (*corona*), собиравшаяся на Форуме в дни громких уголовных процессов. Римляне, по-видимому, благосклонно смотрели на рвение молодых людей, затеявших в интересах своей политической карьеры какой-нибудь громкий процесс, с пониманием относились к стремлению отомстить подобным способом за друга или родича, но "профессиональные" обвинители пользовались дурной репутацией и вряд ли вызывали сочувствие. Так, во времена проскрипций Суллы в числе прочих были проскрибированы лица, часто выступавшие с обвинениями в судах. Головы их были выставлены на Форуме, на ораторской трибуне и около Сервилиевого пруда, находившегося вблизи Форума (Cic. Rosc. Amer., 89-90). Цицерон (возможно, преувеличивая) говорит о сотнях убитых, которые выступали обвинителями в делах об убийствах и отравлениях. При этом их "... никто не называет по имени ввиду их незначительности"⁴ ("*... nemo propter ignobilitatem nominat*") (Ibid.). Соответственно, они обвиняли не по политическим соображениям. Нам кажется вероятным, что такие "профессиональные" обвинители могли либо соблазниться государственной наградой за успешное обвинение [См.: 2, р. 20-22], либо нанимались за деньги. Соответственно, и отношение к такому заработку было по меньшей мере презрительным. Таких обвинителей называли *quadruplatores*. Во времена Плавта т. н. *quadruplatio* была введена для некоторых проступков, разбиравшихся гражданским путем (например, ростовщичество). Преступник в случае осуждения выплачивал штраф вчетверо больший той суммы, в какую оценивался его проступок. Обвинитель, на него донесший, в качестве награды получал 1/4 часть этих денег; поэтому он и назывался *quadruplator*. Занятие это, как видно, было малопочетным. У Плавта паразит Сатурион говорит: "Я не хочу стать профессиональным доносчиком, не подобает ведь без опасности для

---

⁴ *Ignobilitas* можно перевести и как "незначительность, неизвестность", и как "незнатность, низкое происхождение"

себя отнимать у других имущество, мне не по нраву те, кто так делает" ("*Neque quadrupulari me volo, neque enim decet sine meo periculo ire aliena ereptum bona, neque illi qui faciunt mihi placent*") (Plaut. Persa, I, 2, 62-64). Он предпочитает оставаться нахлебником-паразитом, но не заниматься подобными сомнительными операциями. Во времена Цицерона *quadruplatio* уже, вероятно, отошла в прошлое [7, р. 599 и сл.], а само наименование *quadruplator* стало бранным словом, обозначавшим продажного обвинителя и доносчика.

С падением Республики институт частной *accusatio* отнюдь не отошел в прошлое. Однако затихли политические баталии на Форуме, и свое былое значение уголовные суды утратили. Успех политической карьеры зависел теперь исключительно от благосклонности принцепса. Действовали и суды присяжных (до начала III в. н. э.) [См.: 3, р. 23], однако ни о какой независимости судей уже говорить не приходится. Формально сохранив многие республиканские институты, Принципат наполнил их совершенно другим содержанием. Обвинители (*accusatores*) постепенно превращаются в доносчиков (*delatores*). Эта перемена происходит уже во времена Августа, но особого расцвета доносительство достигает при подозрительном и жестоком Тиберии и его преемниках [См.: 1, с. 139-153]. Используя, как правило, старый республиканский закон об оскорблении величия (*lex maiestatis*), который мог толковаться чрезвычайно широко, люди, стремившиеся к обогащению и государственным должностям, привлекали к суду лиц, попавших в немилость к императору. Успешный обвинитель вознаграждался частью имущества осужденного. *Delatores* всячески поощрялись такими императорами, как Тиберий, Калигула и Нерон, которые с их помощью избавлялись от неугодных, сохраняя видимость законности. Понятно, что в глазах общества ремесло обвинителя потеряло всякое уважение и стало восприниматься как грязное, бесстыдное и презренное занятие, а сами *delatores* вызывали отвращение и ужас [См.: Tac. Ann., I, 74; Ann., VI, 7; Hist., I, 2; Sen. Cons. ad Marc., 22, 5]. Последним императором, который широко пользовался их услугами, был Домициан. После его гибели, при династии Антонинов *delatores* теряют свое значение. Времена Республики остались в далеком прошлом, и постепенно последние республиканские институты уходят в небытие, хотя частная *accusatio* продолжала оставаться характерной чертой римского уголовного права.

Литература

1. Буассье Г. Оппозиция при Цезарях // Буассье Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. СПб., 1993.
2. Alexander M.C. *Praemia in the quaestiones of the late Republic* // Classical Philology. Vol. 80 (1985). No. 1. P. 20-32.
3. Bauman R.A. *Crime and punishment in ancient Rome*. London-New York: Routledge, 2005.
4. Crook J.A. *Law and life of Rome*. New York, 1967.
5. Gruen E.S. *Roman politics and the criminal courts, 149-78 B.C.* Cambridge, 1968.
6. Gruen E.S. *The last generation of the Roman Republic*. Berkeley-Los Angeles-London, 1974.
7. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II. Leipzig, 1887.
8. Powell J., Paterson J. *Introduction* // Cicero the advocate. New York, 2004. P. 1-60.
9. Syme R. *The Roman revolution*. Oxford, 1939.